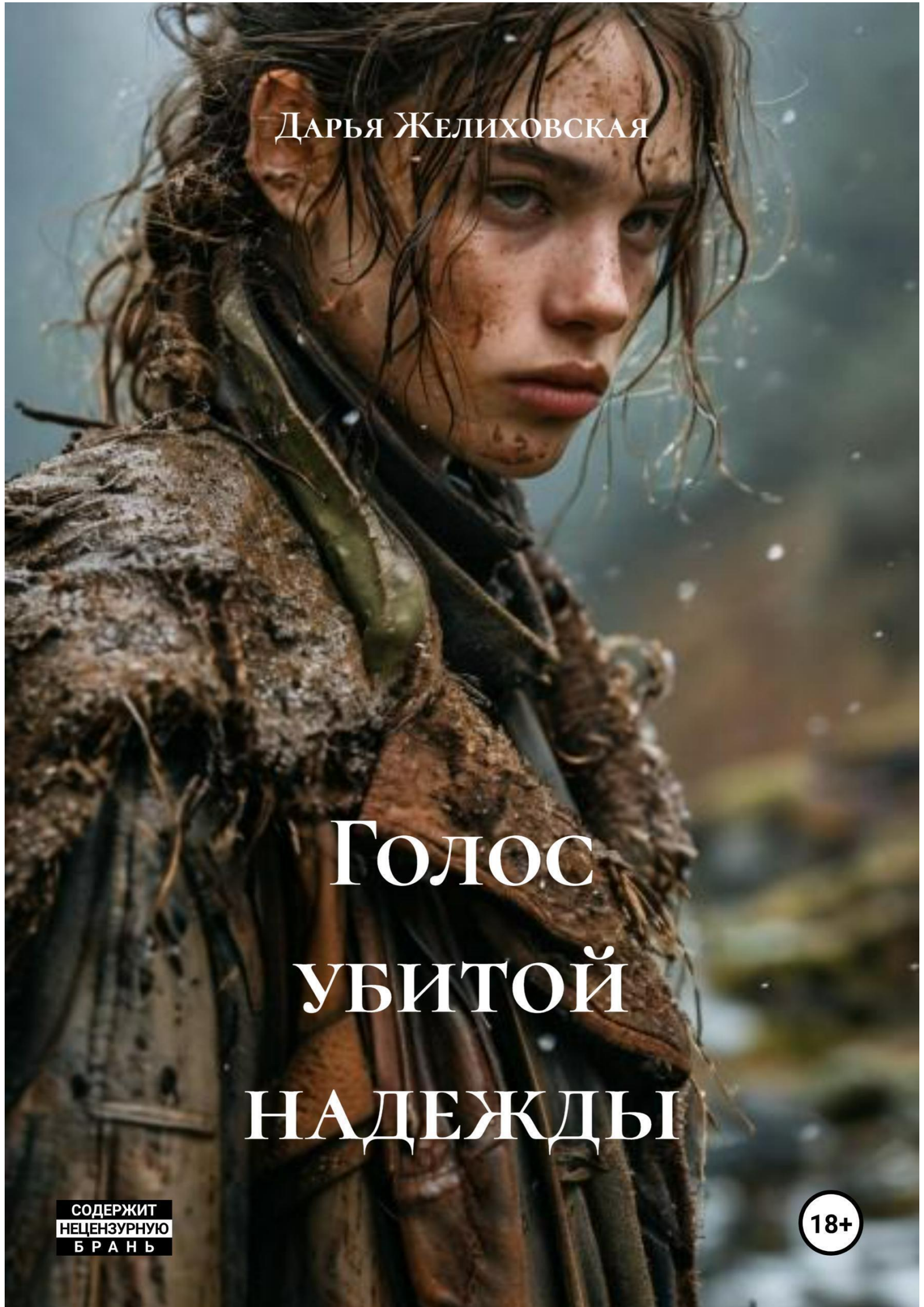

A close-up, cinematic shot of a young woman with dark, wet hair and a distressed expression. Her face is smeared with mud, and she wears a heavy, dark, and muddy coat. The background is a blurred, desaturated landscape, suggesting a war-torn or post-apocalyptic setting. The overall tone is somber and gritty.

ДАРЬЯ ЖЕЛИХОВСКАЯ

Голос УБИТОЙ НАДЕЖДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Желиховская

Голос убитой надежды

«Автор»

2025

Желиховская Д.

Голос убитой надежды / Д. Желиховская — «Автор», 2025

Ливейн Дрейден — девушка без имени и собственной жизни. Она привыкла выживать там, где другие ломаются, и бежать так быстро, как только могут нести её ноги. Но однажды на её пути появляется Ник — тот, кто становится для неё светом в кромешной тьме. Ради него она готова бороться. Ради него она готова жить. Но прошлое не отпускает. Каждый день приносит новые вопросы, а ответы на них могут стоить слишком дорого. Как найти в себе силы двигаться дальше, если каждое новое испытание тяжелее предыдущего? Это не история о том, как быть жертвой. Это история о том, как превратить страх в оружие. И о том, что иногда самые опасные люди — те, кому уже нечего терять.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дарья Желиховская

Голос убитой надежды

Глава 1

СТАРЫЕ СВЯЗИ

Тихие хрипы слышатся в пустынном переулке. К счастью, вокруг никого — иначе напугала бы прохожих до полусмерти. Из носа течёт кровь, дыхание затруднено, словно он забит или сломан. Стараюсь глубоко вдохнуть, но острая боль сковывает рёбра, вызывая приступ кашля, заставляя всё плыть перед глазами.

-Чёрт, - шепчу сквозь хриплое дыхание и пытаюсь ещё раз набрать воздух, медленно. Похоже, несколько рёбер всё же сломаны, но дышать удаётся, хоть и мучительно тяжело.

Сегодняшний день изначально начался дерьмово, но я и не предполагала что закончится еще хуже. Гораздо, мать его, хуже. Каждый нерв тела пульсирует болью, любое движение вызывает новый спазм. Когда пытаюсь перевернуться набок, очередной стон рвётся наружу.

— Это уже становится привычкой, голубка, — вдруг скрипучий голос звучит совсем близко, и если бы я не была на грани жизни и смерти, то врезала бы его обладателю. Не потому что мне не нужна помощь. А потому что этот мудила все равно мне её не окажет, ведь я прекрасно знала этого вечно сующего нос не в своё дело бродягу.

-Заткнись, Роки. Лучше помоги подняться, - прошипела я и мой голос звучал так, словно я только что вылезла из ада. Крепко сжала руками рёбра, надеясь облегчить страдания, хотя бы чуть-чуть. Это помогло ненадолго притупить боль.

-Подняться, говоришь? Да на тебе живого места нет, сахарок мой. Тебе бы в скорую, - равнодушно бросил старый бомж, даже не поворачиваясь. Он продолжал копаться в мусорном баке, будто в переулке не умирала девушка, а шумела стайка воробьев.

Я собрала остатки сил и потянулась к ржавой железной лестнице, сдерживая крик и подступающую тошноту. Лишь мгновение спустя желудок сокращается, выбрасывая наружу остатки вчерашнего ужина - чашку чёрного кофе, которым меня угостил какой-то пьяница у бара. В благодарность я стащила у него пару баксов. Он всё равно не заметил.

Роки сидел неподалёку, лениво пережёвывая протухший хлебец, совершенно спокойно наблюдая за моими страданиями. Я не знала, как выгляжу, но в отражении отвратительно вонючей лужи в этой подворотне смогла разглядеть распухшее лицо.

-Скорую? Ты шутишь, приятель. Я в розыске, если ты забыл. - промыла лицо конденсатом, стекающим с кондиционера. Холодная вода обожгла ссадины, и я вздрогнула от новой вспышки боли. Пришлось повторить ещё дважды, смывая засохшую кровь.

Старик усмехнулся:

-Знаешь, ягодка, мне кажется лучше оказаться в тюрьме чем постоянно бегать и от полиции и от ребят, которые творят с тобой такое. В следующий раз они могут тебя не оставить в таком...живом состоянии.

Я раздраженно взглянула на него и вынуждена была признать: он прав. Один вариант - прятаться только от копов. Другой - спастись от мафиози, которым отец-наркодилер задолжал огромную сумму. Но когда на тебя охотятся сразу две стороны, это, мать его, уровень «хард».

Последние несколько лет моей жизни выглядели именно так - постоянные перебежки, попытки сбежать, скрыться. Когда к нам домой впервые пришли эти ублюдки, они пытали отца несколько часов, прежде чем он откинул коньки. Не то, что бы я скучала, он был законченным говнюком, но мне было всего четырнадцать. И его долги чудесным образом перекочевали на мои хрупкие плечи.

-Жемчужинка, жизнь начинается тогда, когда ты перестаёшь считать себя жертвой обстоятельств. Тебе нужно захотеть по-другому. Понимаешь? - Роки смотрел на меня своим пронзительным взглядом, слишком мудрым для бродяги. От этого взгляда становилось не по себе.

-Нет, - огрызнулась я, внезапная волна ярости вдруг сожгла всю боль. - Меня зовут Ливейн, старик. И нет, я не понимаю! Если жизнь - дерьмо, хочешь сказать это изменится только лишь от моего желания?! Да если бы всё было так просто, весь мир был бы сраным раем!

Я не осознавала, что сорвалась на крик. Ребра снова заныли, и я схватилась за них, сидя в луже, пока меня учил жизни бездомный. Блеск. Жизнь и правда удивительна. В самом, мать его, дерьмовом смысле.

В переулке внезапно раздался гул голосов. Мгновенно все мышцы тела напряглись, я затаила дыхание, вжимаясь глубже в холодную нишу между кирпичами. Прислушалась, готовая в любой миг сорваться с места. Но опасность миновала - мимо, шумно хохоча и обмениваясь похабными шутками, прошмыгнула стайка подростков, оставив после себя шлейф дешёвого алкоголя и марихуаны. Роки они не заметили, поглощенные собой.

Запах травки проникал прямо в ноздри, и я невольно вдохнула глубже. Чёрт, как же хотелось сейчас затянуться косяком... Хотя бы на минуту забыть обо всей этой боли, о страхе, о тошнотворной реальности.

-У Рэнэ есть свободные комнаты? - тихо спросила я, когда голоса окончательно затихли.

-В её притоне? Наверное, да. Но сомневаюсь, что ей приятно видеть тебя после той истории с полицией...

Обида кольнула сердце. Мне стало горько осознавать, насколько закрытыми стали двери передо мной практически везде — как в легальном мире, так и в подпольном.

-Рэнэ ведь мать Тереза преступного мира, - устало проговорила я, стараясь успокоить саму себя. - Она пустит. Хотя бы временно. Других вариантов у меня нет.

Собрав волю в кулак, я тяжело поднялась, согнувшись от боли, и вытерла рукавом свежую кровь, выступившую из носа. Глубокий вдох. Попытка разогнуться. Что ж, можно считать это маленькой победой - я снова на ногах. Кивнув Роки на прощание, я медленно зашагала в сторону заветного убежища. Шаги отдавались глухим эхо в пустом переулке. Последнее, что я

услышала, - его тихий, скрипучий голос, шептавший мне в спину какую то древнюю молитву. Этот старик вечно молился за чужое спасение.

«Старый придурок», - подумала я, но где-то глубоко в душе потеплело от мысли, что кто-то, пусть даже таким странным образом, все же заботится о моём спасении.

- - -

Город жил в своём привычном, шумном ритме, ярком даже глубокой ночью. Скрыться в таком месте было проще - здесь ежедневно мелькали сотни лиц и трагедий, смешанных в один сплошной, безразличный поток. Нормальный город, если ты любитель солнца 302 дня в году, запахов жаренного тако с уличных лотков и бесконечных фестивалей. Правда, мне всегда была ближе холодная тишина северной части страны, крошечные деревни, затерянные в густом хвойном лесу. Но выбирать не приходилось: безопасность важнее комфорта.

В витрине бутика с одеждой я наконец разглядела своё отражение во всей красе: волосы торчали грязными клочьями, лицо покрыто запекшейся кровью и пылью, глаза - красные от бессоницы и слёз, а на щеке расцветал жуткий фиолетово-желтый синяк. Тело я не осматривала - не до того, - но была уверена, что вид там ещё более жуткий. Ребята Александра постарались на славу.

Человек, которому мой отец задолжал около пятидесяти тысяч долларов, предложил простой выход: или выплачивать каждую неделю небольшую сумму плюс дикие проценты или работать на него. Работать на него, имелось в виду продать своё тело и душу самому дьяволу. Страх перед ним казался почти парализующим. После того, как мне удалось от него смыться в первый раз, он быстро меня нашел. Но сказал что раз у «мышки» есть способности к выживанию, он даст мне шанс выплатить долг самостоятельно. Но проценты растут, сумма долга не уменьшается, а его ребята становятся все более изощренными в вопросах выбивания денег. И что делать в этой ситуации я совершенно, мать его, не представляла.

«Приют» Рэнэ находился в самом центре, но внешне ничем не выделялся. Простой серый дом с тусклыми окнами, маленький дворик, заросший буйным кустарником, и потрескавшаяся асфальтная дорожка. Уже глубокая ночь, уличные фонари почти не освещали ступени крыльца. Я поднялась по ним и осторожно постучала в обитую дерматином дверь.

Послышался тихий писк, и камера видеонаблюдения над дверью моргнула красным огоньком. Я неуверенно помахала в объектив. Замок с громким щелчком позволил мне войти.

Внутри стоял резкий, едкий запах антисептика, смешанный с табачным дымом и едва уловимой сладостью марихуаны. Свет тусклых лампочек отражался в металлических дверцах шкафчиков вдоль стен, отбрасывая длинные тени. Перед глазами тут же всплыло воспоминание: ночь полицейского рейда. Они тогда перевернули всё вверх дном, выпотрошив кабинеты и комнаты отдыха. Казалось, само здание до сих пор хранило в себе отголоски того погрома, хотя видимых следов разрушения уже почти не осталось.

Я медленно шла вперед, стараясь ступать как можно мягче, но каждый мой шаг отзывался хрустом старого паркета, вызывая во мне чувство тревоги. Из-под одной двери справа пробивалась узкая полоска света. Остальные помещения тонули в гнетущей тишине. Беспокойство нарастало с каждой секундой: раньше здесь всегда кипела жизнь, звучали голоса, музыка, сновали люди. Сейчас же царила мертвая, давящая тишина, нарушаемая лишь скрипом половиц под моими ногами.

Наконец я дошла до нужной двери. Та самая зеленая, исцарапанная ключами и ножами доска, которую все в шутку называли «Вратами Ада», исчезла. Вместо неё висела новая дверь нежно-кремового оттенка, гладкая и тщательно отполированная. Она смотрелась чуждо и неуместно, словно пришелец из другого, чистого мира. Её поставили сразу после штурма, когда копы выломали старую вместе с петлями.

Я приложила ладонь к тяжелой деревянной двери кабинета и она бесшумно подалась внутрь. Меня ждали.

Когда я делаю шаг внутрь, первым делом замечаю стройную фигуру Рэнэ. Когда-то яркий хаос на голове сменился строгим черным каре, которое делало её старше и суровее. Её голубые глаза, испещренные сеткой мелких морщинок, пристально изучали меня, скользя по разбитому лицу, грязной одежде, отмечая каждый мой сдавленный вздох.

-Ливейн. - Произнесла она мягко, будто касаясь невидимой струны моей души. И только тогда я поняла, насколько была напряжена в ожидании крика, оскорблений, немедленного выдворения.

-Рэнэ, - хрипло отозвалась я, тяжело оседая на стул перед её массивным столом. Рядом с ней я всегда чувствовала себя провинившимся ребенком. Рэнэ помогла мне, когда я появилась на её пороге в 16 и с тех пор я цеплялась за неё, как за мать, которую едва помнила. - Мне нужна помощь. - Я сразу перешла к делу, стараясь звучать уверенно, но выдержать её пронзительный взгляд было невыносимо трудно.

-Лив, ты приносишь одни проблемы, - её слова не звучали как обвинение. Это была констатация факта, сухая и безжалостная, как удар ножом. И от этого сердце сжалось, а последняя искра надежды в груди трепетала, готовая вот вот погаснуть.

-Я знаю. Мне...жаль, ладно? Прошу, Рэнэ, последний раз, а потом...

-Потом что? - она резко перебила меня, и её губы тронула презрительная усмешка. Рэнэ зажгла сигарету, откинувшись на спинку кресла и выпустила струйку дыма. Запах табака ударил в нос и я сглотнула. Рэнэ фыркнула.

-Ты как жалкая дворняга. Вечно надеешься, что сможешь выкрутиться, но единственное, чему ты научилась - это придумывать оправдания. Ты не задумывалась, почему ты ещё не у них? Неужели потому, что считаешь, что ловко ускользаешь?

Она снова выпустила кольцо дыма, и я отвела взгляд, предпочитая смотреть, как она смахивает пепел в керамическую чашку с надписью «Tears of my stuff».

-Нет, моя милая Лив. Им просто нравится смотреть, как ты тонешь в своих отчаянных попытках спастись. Но цирк надоедает. Ему уже надоел.

По коже пробежал мороз, и я резко подалась вперёд, впиваясь окровавленными пальцами в край её стола.

-Рэнэ, умоляю! Прошу тебя, это в последний раз, я обещаю! Просто дай мне переночевать, утром я уйду.

Мольба звучала жалко и отчаянно. Но если от моего достоинства что то и оставалось, я была готова променять его на теплую постель и чувство безопасности. Хотя бы на одну ночь.

Но Рэнэ лишь медленно, почти трагически, покачала головой. И на её лице я вдруг увидела не привычную суровость, а что-то похожее на искреннее сочувствие.

-Прости. - Тихо прошептала она.

Её лицо мгновенно снова стало каменным. Моё сердце замерло, когда я уловила шорох сади и мелькнувшее в оконном стекле движение. Всё во мне завопило «БЕГИ!».

Но было слишком поздно.

Я была ослаблена, измотана, мои реакции запоздали. Резкий удар в висок обрушился на меня, и мир мгновенно провалился в беззвучную, густую темноту. Последним, что я успела увидеть, прежде чем сознание покинуло меня, была аккуратная пачка купюр, бесшумно упавшая на стол перед невозмутимым лицом Рэнэ.

Глава 2

КЛЕТКА ДЛЯ ПТИЦЫ

Я проснулась от адской головной боли. В висках пульсировало так, словно раскалённый молот бился о мою черепную коробку, заставляя веки дрожать от каждого движения. Глубокий вдох вызвал приступ сухого кашля; меня едва не стошнило от резкого запаха сырости, плесени и крови - сладковатого, металлического и оттого ещё более тошнотворного. Я прижалась лбом к холодному бетонному полу, рука осторожно скользнула к виску, но я тут же её отдернула, зашипев от острой боли. Липкая корка запекшейся крови спутала волосы.

- Эй... есть тут кто? - хрипло спросила я, не в силах открыть глаза. Мои слова отозвались эхом в сыром помещении, но мне никто не ответил. Звук капающей откуда-то воды - единственный шум помимо моего тяжелого дыхания. Пошарив руками по пыльному полу, я натываюсь пальцами на холодные, покрытые ржавчиной прутья решетки. С горла срывается предательский всхлип.

Сначала всё кажется сном, нереальным кошмаром. Я пытаюсь ухватиться за воспоминания, которые казались такими крепкими и надёжными, но теперь рассыпаются перед глазами, превращаясь в пыль. Сочувствующий взгляд Рэнэ, её жалкие, пустые извинения. Гнев вспыхивает мгновенно, заполняя грудь волной ярости. Сердце бешено колотится, мысли мечутся хаотично, и с моего горла срывается крик.

- Сука! - костяшки пальцев изо всей силы ударяют по железной решетке, боль в голове усиливается, но я игнорирую её, - Сука! Долбаная сука!

Я продолжала колотить прутья, пока в голове эхом повторялось то чёртово «прости». Но постепенно волна гнева утихла, уступая место горькому, щемящему осознанию реальности. Она продала меня. Второй раз в жизни я доверилась кому-то и второй раз наступила на те же грабли. А я и не думала, что меня можно сломать ещё больше. Сердце сжимается болезненной судорогой, слёзы текут по щекам, смешиваясь с грязью и кровью. Кажется, мир остановился, оставив меня в одиночестве посреди абсолютной тишины и мрака.

- Мама... - хрипло, едва слышно, шепчу я, вновь сползая на пол. Ни одно слово больше не способно выразить ту бездонную пустоту и боль, которые испытываю внутри. Каждая клеточка тела ощущает утрату, каждую секунду хочется кричать, плакать, рыдать, но слёз уже не осталось. Глупо было так привязываться, она ведь никогда не была мне кем-то большим, чем просто человеком, пару раз протянувшим руку помощи. Просто я видела в ней ту, в ком отчаянно нуждалась. Не моя вина, что я ошиблась.

Со стоном перевернувшись на спину, я устала в заплесневелый потолок и прерывисто выдохнула, стараясь привести дыхание в норму после истерики. Сил думать о моей дальнейшей судьбе не было, если таковая вообще имелаась. Я ощущала вакуум, в котором эхом звучали мои потерянные мечты и иллюзии. В глубине души я всегда знала, что принадлежу Александру, невидимая нить будто была привязана к моей шее, а он очень крепко её держал, давая ровно столько кислорода, чтобы я могла поверить, что дышу по воле госпожи удачи, а не его собственной. Как говорится: пока дышу - надеюсь. И вот куда эта надежда меня привела.

Вдруг тихий скрип тяжёлой двери пробудил меня от мрачных мыслей. Голова резко повернулась к источнику звука, глаза сощурились от яркого света, хлынувшего из-за неё. Я пыталась разглядеть силуэт, появившийся в дверном проёме. Металлические шарниры мерзко

царапали по бетону, пока дверь открывалась мучительно медленно, и я скривилась, инстинктивно отползая к дальней, самой тёмной стене камеры.

Его я узнала сразу. Стройная фигура излучала ту самую, знакомую до дрожи, уверенность и абсолютную власть. Александр стоял неподвижно, наблюдая за мной с верхней ступени, за его спиной виднелся длинный коридор, ступенями уходящий куда-то вверх. Должно быть, я нахожусь в подвале. Он сделал несколько шагов вперёд, и я смогла рассмотреть его. Говнюк совсем не изменился с последней нашей встречи. Высокий, статный, он стоит передо мной, словно воплощение кошмара, вновь ставшего реальностью. Всё такой же дьявольски красивый: ярко-голубые глаза, такие чистые и холодные одновременно; светлые волосы, аккуратно уложенные и зачёсанные назад, подчёркивали аристократичность лица, создавая обманчивое впечатление утонченности и благородства. Красота ангела, скрывающая душу демона.

Я влюбилась в него, когда мы впервые встретились. Мне было четырнадцать. Помню, как он разговаривал со мной, мягко и ободряюще, пока его люди в другой комнате «общались» с моим отцом. Обходительный, заботливый, я восхищалась им, мне казалось, что он спас меня, избавив от бремени в виде отца-наркомана, который спустил в игле не только все деньги, но и нашу квартиру, по уши увязнув в долгах перед мафией Александра. И когда тот протянул руку, я охотно ушла с ним, чувствуя себя особенной, спасённой. Моё детское наивное сердце верило каждому его слову. Но эти иллюзии разбились вдребезги через неделю, когда он привёл первого «клиента» и заставил меня трахаться с ним у него на глазах, чтобы «проконтролировать и оценить процесс». Чтобы знать, за какую цену можно будет продать меня. В тот день я чётко уяснила, что доверие - очень дорогая валюта.

Он усмехнулся, будто тоже вспомнив ту мою жалкую, детскую влюблённость, и подошёл ближе. Мне казалось, что стены сужаются, воздух сгущается, дышать становилось невозможно тяжело. Каждое мгновение рядом с ним приносило новый всплеск страха, каждая секунда казалась вечностью.

- Ливейн, дорогая, давно не виделись. - Голос, словно тёплый мёд, спокойный и обманчиво заботливый, заставил меня вздрогнуть. Я знала, что кроется за этой показной нежностью. Он присел на корточки рядом с клеткой и вытянул руку, убирая слипшуюся от крови прядь моих некогда каштановых волос.

Я отшатнулась, отползая к противоположной от него стороне. Мне было чертовски страшно, и Алекс это видел. На его тонких губах появилась холодная, хищная улыбка, он оглядывал меня с таким самодовольным видом, будто выиграл чёртов джекпот. Всё моё тело напряглось, готовое либо сражаться, либо спастись бегством. Но куда убежать, если прошлое настигло тебя вновь? К своему стыду, я всхлипнула, и солёные слёзы вновь начали обжигать ссадины на лице. Будто и не было этих четырёх лет мнимой свободы и отчаянных попыток начать жить, будто я и не вылезала из этой клетки. Каждый взгляд этих ледяных глаз, каждое его движение возвращали меня к воспоминаниям, от которых я пряталась все эти годы. Я вновь становилась той самой 14-летней девчонкой, испытавшей на себе лишь малую часть его жестокости. Я знала, что он творил с другими девушками, и это то, что я всей душой хотела забыть. Но их крики так крепко отпечатались в моём мозгу, что порой мне казалось, я слышу их наяву.

-Ну-ну, малышка Лив, тише, - притворно нежно прошептал Алекс, встав и подойдя ко мне с другой стороны, вытирая мои слёзы большим пальцем. Он намеренно задел синяк под глазом, от чего я вздрогнула от боли.

- Ты же не думала, что сможешь бегать вечно, верно? Поиграли в свободу и хватит. - Он поднялся на ноги, отряхивая дорогой пиджак, будто испачкался только от самого моего присутствия. Я подняла голову, неверяще глядя на него. Из горла вырвался сдавленный, истеричный смешок, и я вытерла рукавом слёзы и сопли, стекающие по лицу.

- Свободу? Ты не отпускал меня ни на мгновение! Твои люди всё время были рядом, я же отдавала тебе каждый месяц почти все деньги...

- Деньги?! - перебил он, и в его бархатном голосе впервые прозвучало стальное презрение. - Эти жалкие гроши? Я тебя умоляю, крошка Лив, этих копеек не хватало даже на покрытие процентов по долгу твоего папочки. Но мне нравилось смотреть, как ты цепляешься за свои бесполезные попытки вырваться. Это было... забавно. - Он вновь подошёл ближе, его холодные, ухоженные пальцы коснулись моей кожи, приподнимая подбородок, словно щупальца, вызывая тошнотворное чувство омерзения.

- Правда в том, мышка, что от меня никуда не деться. Единственное, чего стоит твоя жизнь, - это быть подстилкой и забывать о том, насколько ты ничтожна под очередной дозой героя. Прямо как твой папаша.

Он скривился, с отвращением оттолкнул мой подбородок и, засунув руки в карманы брюк, неспешно направился к выходу, будто этого разговора вовсе не было. Я вцепилась руками в решётки, ощущая, как паника нарастает, каждый нерв напряжён до предела. Ужас сковывал волю, лишал способности мыслить ясно. Мой голос дрожал, когда я крикнула ему вслед:

- Что ты собираешься делать?!

Александр оглянулся, на его безупречно красивом лице появилась короткая, безразличная ухмылка: - То же, что собирался сделать четыре года назад, крошка Ливейн. То, что обычно делают с такими мордашками.

Он открыл дверь, а я просто смотрела ему в спину, чувствуя, как ужас ледяным ознобом растекается по телу. Его ответ не стал для меня неожиданностью, но сердце всё равно отчаянно забилось о рёбра, словно пойманная птица. Мне хотелось метаться по клетке, молотить руками в дверь, умолять его, но я просто замерла, будто меня парализовало. У выхода он остановился и снова взглянул на меня через плечо.

- На этот раз тебе не сбежать. И не надейся на полицию, Ливейн. Помнишь того менеджера в банке, который «случайно» дал тебе доступ к закрытым счетам твоего отца? Это был мой человек. Теперь твоё досье лежит в отделе по борьбе с отмыванием денег. Для них ты - соучастница. Преступница. Так что смиришься с тем, что твоя жизнь тебе не принадлежит. Никогда не принадлежала.

Дверь захлопнулась с оглушительным, финальным стуком. Дверь подвала. Дверь в моё будущее. Александр ушёл, забрав с собой последнюю крупницу надежды, поставив жирную точку в истории моих надежд на спасение.

Открывать глаза не хотелось, но каждый раз, когда я слышала скрип двери, у меня не было выбора. Каждый новый визит - это незнакомец, чьи черты словно расплывались перед моими усталыми глазами, хотя, возможно, дело вовсе не в зрении... Скорее всего, отсутствие надежды притупляло все чувства. «Потенциальные клиенты» приходили на пробную встречу, как сказал Александр. Чёртов тест-драйв перед покупкой.

Не знаю точно, сколько я здесь нахожусь, но старые синяки на лице уже пожелтели и почти сошли. Я видела своё отражение в потёртом, мутном зеркале, когда один из охранников Алекса приводил меня в душ. Хотя душем это сложно было назвать - лишь ржавый кран над головой и покрытые чёрной плесенью стены кабинки без двери. Никаких перегородок, никакой приватности. Только холод и всевидящее око Никтовски.

Ледяная вода будто иглами вонзалась в кожу. Я подставляла лицо под эти болезненные струи, отчаянно пытаюсь представить, как грязь смывается не только с тела, но и с души. Облупившаяся синяя краска на стенах почему-то напоминала мне стены морга, и я отстранённо смотрела на этот кусок, ощущая полную, оглушающую пустоту внутри. Каждое мгновение в этом месте заставляло меня вновь осознать всю беспомощность положения, когда единственно возможной целью становилось простое выживание.

- Давай, шевелись! Я бы с удовольствием ещё полюбовался твоим голым задом, но Алекс сказал чётко - 10 минут!

По моей мокрой коже хлётко ударило грубое полотенце, и я вздрогнула, сжимая зубы от гнусавого смеха Никтовски. Этот верзила ростом под два метра весь покрыт блеклыми, тюремными татуировками и выглядит настолько устрашающе, что вряд ли кому-то захотелось бы задерживать на нём взгляд дольше секунды. Грубый шрам тянулся от лба до подбородка, искажая его рот в постоянной, неприятной усмешке. Бледные, водянистые глаза словно не отражали ничего человеческого, лишённые выражения, тусклые и бессмысленные. Никтовски работал на Александра, и сейчас его задача была - приводить ко мне «клиентов» и следить, чтобы я была послушной.

- Полотенце, - хрипло сказала я, выключая ледяную воду. Никтовски растянул свой искажённый шрамом рот ещё шире, медленно, нагло оглядывая моё обнажённое тело, намеренно игнорируя мою протянутую руку. Мне больше нечего было скрывать - мой стыд давно растворился среди боли и унижения. К тому же, я знала, что ему нельзя ко мне прикасаться. В первый раз, когда Никтовски попробовал воспользоваться мной, Александр лично избил его до полу-смерти. Я не уповала на его милость - это был жест хозяина: «эта вещь моя, и только я решаю, что с ней делать». И этот мудака хорошо это усвоил. Хмыкнув, он швырнул полотенце мне в руки и, не дожидаясь, пока я оберну его вокруг тела, грубо толкнул меня к выходу. Поскользнувшись на мокром, скользком полу, я потеряла равновесие, но его железная хватка возвратила меня обратно на ноги, сдавливая пальцы на плече так сильно, что я едва не вскрикнула от боли.

- Живее. У тебя сегодня встреча.

«Встреча». Мне повезёт, если она пройдёт более-менее спокойно. Вся моя жизнь теперь измерялась градусом жестокости очередного незнакомца.

- С кем? - мой голос слегка дрожал, и я украдкой бросила взгляд на Никтовски. Босые влажные ноги гулко шлёпали по холодному каменному полу. Его молчание ощущалось тяжёлым грузом, оседая на моих и так уже поникших плечах.

- С новеньким. Какой-то банкир или что-то вроде того, - в конце концов, буркнул он, и я позволила себе сделать небольшой выдох.

Новенький - это мизерный шанс на то, что он будет менее жесток, чем остальные. В прошлый раз один из этих ублюдков принёс с собой целый арсенал инструментов, и хоть Александр и предупредил о запрете «порчи товара перед покупкой», его это не остановило. На коже ещё остались тонкие, заживающие следы от порезов и тёмные пятна кровоподтеков. Каждый день превращался в русскую рулетку, и шансов на благоприятный исход становилось всё меньше. Я балансировала на острой грани между отчаянием и тёмной надеждой - надеждой умереть быстрее, чем испытать нечто гораздо, гораздо худшее, чем Александр. Мир сузился до границы, отделяющей жизнь от смерти. Изматывающее ожидание, перемежаемое вспышками ярости и жалких моментов облегчения, заставляло воспринимать реальность сквозь призму постоянного, изнуряющего стресса. Даже мысли начинали путаться, сливаясь в вязкую, тягучую кашу из тревоги и ожидания самого страшного конца.

Когда Никтовски резко открыл железную дверь камеры, его последняя фраза повисла тяжёлым грузом в воздухе:

- Десять минут, поторапливайся.

Оставшись одна, обмотанная грубым, пахнущим плесенью полотенцем, я мысленно отсчитывала минуты, каждая из которых была подобна вечности. Это была своя, особая пытка, не дававшая мне отвлечься. И она прекращалась только тогда, когда дверь в подвал открывалась снова. Тогда начиналась новая.

- Не так, доченька, - ворчит мама, но я видела, как она изо всех сил пытается скрыть свою улыбку.

- Спицу поддеваешь вот сюда, в петельку, потом аккуратно перекрещиваешь... - Её пальцы, такие ловкие и быстрые, скользят по спицам, создавая замысловатый узор на мягкой шерстяной ткани.

- Нет, не получается! - капризничаю я, отталкивая вязание подальше. Моя голова не доставала до подоконника, но я до мельчайших деталей представляла себе картину снаружи: высокие пушистые сугробы, мириады ледяных снежинок, мельтешащих и кружащихся в зимнем воздухе. Как приятно обожжёт холодом щёки перед тем, как каждая снежинка растает на коже, превратившись в мокрую, прозрачную каплю. Я тихо вздохнула, представляя, как ловлю их на язык, хотя мама всегда это запрещала. - Я хочу на улицу. Когда мне можно будет выйти погулять?

Взгляд мамы смягчился, и она тоже посмотрела в заиндевшее окно.

- Скоро, милая, когда совсем поправишься.

- Но я уже поправилась! Горло не болит и температуры нет, - доказывала я, хотя всё ещё ощущала слабость в теле после затяжной простуды. Мне казалось, будто целая вечность прошла с тех пор, как я последний раз дышала морозным воздухом и лепила снеговика.

- Ливейн, - строго сказала мама, но её прервал щелчок входной двери. Её руки с вязанием замерли, и я заметила, как начали дрожать её пальцы.

- Мам? - едва слышно прошептала я, но она даже не посмотрела на меня, напряжённо вглядываясь в пока ещё пустой коридор, откуда эхом разносились приглушённые, тяжёлые шаги.

- Иди в свою комнату. Сейчас же.

Я вскочила со стула и пулей понеслась в свою крохотную комнатку, торопливо запирая хлипкий крючок на двери. Схватила потрёпанного плюшевого зайца по имени Хьюго и зарылась в кровать, с головой укрывшись одеялом, пытаясь заглушить звук грубых мужских голосов из гостиной.

- Всё будет хорошо, мой зайчик, - шептала я, прижимая к себе игрушку. - Всё хорошо...

Я резко открыла глаза, тяжело и прерывисто дыша. Всего лишь кошмар. На крошечную долю секунды я позволила себе расслабиться, прежде чем пелена сна спала и ужасающая реальность вновь обрушилась на меня.

Я устало простонала, потирая лицо ладонями. Оглядев камеру, не увидела подноса с едой. Никтовски кормил меня дважды в день - скудный завтрак и чуть более существенный ужин после «встреч». Они обычно приходились на вечер, так что свою пайку я получала ближе к ночи.

Никаких ориентиров во времени здесь не было, не было окон, лишь тусклый, мертвенный свет от голых лампочек под потолком, которые горели круглосуточно. Когда Никтовски приносил еду, я съедала половину, а вторую часть растягивала до следующего раза. Но подноса ещё не было, значит, сейчас либо глубокая ночь, либо раннее утро.

- Как же хочется ванильный пудинг... - пробормотала я сама себе, закрывая глаза и вспоминая, как в той маленькой кофейне, где я подрабатывала пару месяцев назад, по утрам сотрудникам разрешалось забирать остатки вчерашней выпечки и десертов. Я специально прятала баночку с пудингом на самый низ холодильника, под салаты, чтобы утром он достался мне бесплатно - их обычно разбирали за минуты.

-Я бы тоже не отказался от сладенького. - Внезапно раздался насмешливый мужской голос откуда то слева. Сердце бешено забилося, я замерла, всматриваясь в полутьму. Рядом, в соседней камере, которую я прежде считала пустой, виднелась едва различимая фигура.

Глава 3

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Я застыла на месте. Тень отделилась от стены и медленно приблизилась к решетке. Мужская фигура, едва различимая в темноте. Когда тусклый свет упал на его лицо, у меня перехватило дыхание.

Это была сплошная мозаика синяков и кровоподтёков. Глубокие багровые круги вокруг глаз, скулы, покрытые запёкшейся кровью, распухшие и потрескавшиеся губы. Из за этого было сложно понять, какая у него внешность, но он однозначно был молод. Возможно, мой ровесник. Казалось, каждое движение причиняло ему адскую боль, но он ухмылялся, обнажая ряд ровных зубов, испачканных свежей кровью. И этот взгляд... Несмотря на все повреждения, его голубые глаза сияли дерзким юмором и скрытым вызовом. Он разглядывал меня с не меньшим интересом, чем я его.

— Нравится то, что видишь? — прохрипел он, проводя грязной рукой по шее. Движение заставило меня заметить причудливый узор татуировок, уходящий под рваную рубашку.

Я молчала, совершенно теряя нить реальности. Сон? Галлюцинация? Недели в одиночестве, прерываемые лишь визитами Никтовски и клиентов, явно не прошли даром для моей психики. Я сомневалась в собственном зрении, в слухе, в тактильных ощущениях.

Незнакомец спокойно улыбнулся, прислонившись спиной к холодным прутьям, будто ему было абсолютно комфортно.

— Язык проглотила? Глазеешь, как удав на кролика.

Я медленно приподняла бровь, опешив от такой будничности.

— Слишком дерзкий для человека в соседней камере. И, скорее, на удава похож ты.

Он фыркнул, и от широкой улыбки на его избитом лице появились ямочки. Чёрт, он был прав — я глазела. Это зрелище было одновременно ужасающим и завораживающим.

— Должно быть, — просто согласился он и протянул руку сквозь прутья. — Я Ник.

Я несколько секунд смотрела на его протянутую ладонь, покрытую ссадинами и грязью.

— Тебя, должно быть, хорошо по голове приложили, Ник, — пробормотала я, но всё же сделала шаг вперёд и нерешительно коснулась его пальцев.

Прикосновение было мимолётным, почти эфемерным, но оно послало странный электрический разряд по моей руке. Оно казалось слишком реальным для галлюцинации.

— Ливейн, — выдохнула я своё имя.

Ник задумчиво кивнул и отпустил мою руку, отступив назад в тень.

— Ливейн. Я бы сказал, что приятно познакомиться, но не буду, учитывая обстановку.

Его беззаботный тон заставил уголки моих губ дрогнуть. Сплошное противоречие. Внешность побитой собаки и манеры циркового клоуна. Но я не могла игнорировать странное тепло

в груди, чувство дикого, эгоистичного облегчения. Я была не одна. Кто бы он ни был — призрак, сон или плоть — его присутствие разбавляло гнетущую тишину моего личного ада.

— Почему ты здесь? — тихо спросила я, опускаясь на свой «матрас» — комок трухи под рваной простынёй.

Ник не изменился в лице, лишь склонил голову набок, изучая меня.

— Ошибся дверью, — отшутился он, но его глаза были серьёзны. — А ты?

— Откликнулась не на ту вакансию, — парировала я в том же тоне.

Он принял ложь без комментариев, лишь кивнул. В сущности, какая теперь разница? Эта тюрьма — чёртова копилка для чужих секретов.

Дни тянулись медленно, как всегда в этом месте, но новый сосед разбавлял мои «будни». Теперь я знала, что это не галлюцинация. По крайней мере, не в привычном смысле. Он был слишком... постоянным. Слишком детализированным.

Ник.

Он медленно стал частью пейзажа моего ада, странным, искажённым зеркалом. Утром, услышав скрип двери, я первым делом смотрела в щель между нашими камерами. Иногда он уже был там, прислонившись к прутьям, иногда только просыпался, ворча что-то неразборчивое и потягиваясь так, что суставы тихо хрустели.

Сегодня Никтовски принёс овсянку, водянистую и серую. И одну булочку. Мою. Он швырнул её на пол, как собаке, даже не взглянув в сторону Ника. Дверь захлопнулась.

Я молча подняла булочку, разломила пополам — неровно, одна часть явно больше — и просунула меньшую половину сквозь решётку.

— На, — просто сказала я.

Ник не стал церемониться. Он принял хлеб, и его пальцы, холодные и шершавые, на секунду коснулись моих.

— Благодарно, — пробормотал он, уже откусывая. — Но по идиотски. Тебе нужны силы.

— Ты сегодня выглядишь еще более призрачно, чем обычно, — парировала я, отворачиваясь к своей порции. — Не хватало, чтобы ты развеялся тут у меня на глазах.

Он тихо рассмеялся, и этот звук — хриплый, но настоящий — наполнил камеру чем-то почти уютным.

— Привязываешься, Ливейн? Осторожно. Это опасно.

Я не ответила. Вместо этого принялась методично, ложка за ложкой, проглатывать безвкусную массу. Мы ели молча. Это был странный ритуал: звук его жевания, моё чавканье, скрип старого дома над головой. Ритуал, который означал: мы ещё живы. Пока.

После «завтрака» я, как обычно, принялась собирать крошки с каменного пола — запасы на случай, если позже станет невмоготу. Ник наблюдал, полужакрыв глаза.

— Я в детстве, — вдруг начал он, и голос его был задумчивым, далёким, — коллекционировал разноцветные стёклышки. На стройке рядом с домом. Каждое находил сам. Вымывал в луже и складывал в жестяную коробку из-под леденцов. Они казались мне драгоценностями.

Я остановилась, сжимая в ладони горсть пыли и крошек.

— Зачем?

— Не знаю. Просто было красиво. Солнце через них по-разному светило. — Он помолчал. — Потом отец нашёл коробку. Выбросил. Сказал, что это хлам, и мужчинам не пристало таким заниматься.

Я представила мальчика с грязными коленками и тайным сокровищем. Это было так... нормально. Так далеко от нашего подвала.

— А ты? — спросил он тихо. — Какая-нибудь... глупая детская тайна?

Я задумалась. Воспоминания были туманными, окрашенными в грязные тона. Но одно всплыло.

— Я... выцарапывала имена на внутренней стороне шкафа в приёмке. Своё. Имена других детей, которые приходили и уходили. Думала, если оставить след, то меня тоже запомнят.

— И что? Запомнили?

Я горько усмехнулась.

— Шкаф, наверное, выбросили. Или перекрасили.

— Но ты помнишь, — заметил он. — Это уже что-то. Дни тянулись, вязкие и бесформенные. Иногда мы просто молчали, каждый в своей клетке, слушая, как капает вода где-то в трубах. Иногда Ник начинал что-то бормотать — обрывки песен, диалогов из старых фильмов, бессмыслицу. Я сначала злилась, просила замолчать. Потом просто слушала. Его голос стал фоном, белым шумом, заглушавшим более страшные звуки в моей голове. Как-то раз, после особенно тяжёлой ночи, когда кости ломило от холода и страха, а тело дрожало после очередного пережитого насилия, я не смогла сдержать сдавленный стон. Не плач, нет — просто животный звук боли.

— Лив, — тут же позвал он, просовывая руку сквозь прутья. — Эй. Смотри сюда.

Я с трудом повернула голову. В его протянутой ладони лежал идеально круглый, небольшой камешек, отполированный до гладкости. — Нашёл в углу. Видишь? Совершенная форма. В таком месте. — Он покрутил его в пальцах. — Абсурд, да? Как стёклышко на стройке. Я не потянулась за камнем. Просто смотрела на него, на эту маленькую, бессмысленную претензию на совершенство. И стон стих, растворившись в усталости. — Дурак, — прошептала я беззлобно.

— Часто, — согласился он и спрятал камень.

Сегодня он был тихим. Сидел, прислонившись спиной к нашей общей стене, так что я слышала, как он чуть дышит. Его татуировки, видимые в прорехах рваной одежды, казались в полумраке живыми — извивающимися тенями на бледной коже.

— О чём думаешь? — спросила я, сама не зная почему. Раньше мне никогда не было интересно.

— О запахе, — ответил он после паузы. — Здесь пахнет сыростью, ржавчиной и отчаянием. А ты помнишь, как пахнет дождь на асфальте в городе? Эта смесь пыли, озона и чего-то ещё... живого.

Я закрыла глаза, пытаюсь уловить призрак того запаха. Вместо этого в ноздри ударила знакомая вонь плесени и антисептика.

— Нет, — честно сказала я. — Не помню.

— Жаль, — просто сказал он. — Это хороший запах.

Вечером Никтовски принёс воду. Одну кружку. Он поставил её перед моей камерой, проследив за моим взглядом в сторону Ника, который сидел, неподвижно уставившись в пол, и фыркнул. Не сказав ни слова, просто ушёл.

Я взяла кружку, сделала несколько глотков. Вода была тёплой, затхлой. Потом, уже почти машинально, отодвинула её к решётке.

— Пей, — сказала я.

Ник медленно поднял голову. Его лицо в сумерках было похоже на маску.

— Не надо, Ливейн.

— Пей, — повторила я твёрже. — Я не хочу пить одна. Это... невкусно в одиночку.

Он посмотрел на меня долгим, пронизательным взглядом, словно пытаюсь разгадать скрытый смысл. Потом медленно подполз, взял кружку и отпил. Его движения были болезненно медленными.

— Спасибо, — прохрипел он, возвращая кружку.

Наши пальцы снова встретились. На этот раз я не отдернула руку. Мы просто сидели так, разделённые прутьями, но связанные чем-то большим, передавая жестяную кружку туда-обратно, пока вода не кончилась. Это было невыразимо интимно. Проще, чем разговоры. Проще, чем воспоминания о стёклышках. Просто общее действие, крошечный совместный ритуал выживания.

Когда стемнело окончательно и в подвале остался только слабый свет из-под двери, Ник заговорил снова, уже почти шёпотом:

— Я, кажется, помню, как пахнут сосновые иголки. На солнце. Жарко, смолисто...

Я прижалась лбом к холодным прутьям, глядя в темноту, где угадывались лишь очертания его плеча.

— Расскажи, — попросила я так же тихо.

И он рассказывал. Обрывками. О вкусе украденных ягод, о чувстве ветра в лицо, когда мчишься на велосипеде с горы, о грубой шерсти какой-то дворовой собаки, которая ему когда-то доверяла. Картинки были смазанными, лишёнными деталей, как чужие сны. Но я слушала, вдыхая эти истории, как глотки воздуха. Они не были о побеге. Они были о жизни. О той простой, обыденной жизни, которую мы оба, казалось, потеряли навсегда.

И в этой темноте, под его тихий, хриплый голос, я впервые за долгое время почувствовала не просто облегчение от того, что не одна. Я почувствовала странную, хрупкую связь. Как паутинка, протянувшаяся между двумя островками в кромешной тьме. Она не могла нас спасти. Но пока она была, тьма не казалась такой абсолютной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.